

Александръ Амфитеатровъ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПРАВДЫ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЪ АВТОРА.....	2
ПОБѢГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ.....	4
ВЪ ГРОЗОВЫЕ ДНИ.....	28
ПОПУТЧИКЪ.....	28
ИСПОВѢДЬ ЖИВОГО МЕРТВЕЦА.....	31
РАСПЛАТА.....	34
МЕЖДУСОСЛОВНЫЯ ПАРЫ.....	42
КЕЛЬНЕРША.....	42
НЕЛЛИ РАИНЦЕВА.....	52
МЕЧТА.....	62
ДОМАШНІЯ НОВОСТИ.....	74

ОТЪ АВТОРА.

Въ сборникѣ «Фантастическія правды» нѣтъ ни одного разсказа, въ основѣ котораго не лежалъ бы дѣйствительный случай, — какъ одно изъ зеренъ той сумбурной, невѣроятной, именно фантастически заваренной каши, что зовется современно русскою жизнью. «Побѣгъ Лизы Басовой» и всѣ эпизоды «Грозовыхъ дней» записаны мною въ Парижѣ со словъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ этихъ приключеніяхъ. По всей вѣроятности, ихъ узнають нѣкоторые, даже сквозь ретушь, наложенную беллетристическую формою и нежеланіемъ автора писать портреты.

Разсказы, объединенныя подъ общимъ заглавіемъ «Междусословныя пары», написаны мною въ разные годы, на общую тему о «любви — разрушительницѣ кастъ», по сюжетамъ, собраннымъ дружескою анкетой. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ я заинтересовался сказанною темою подъ впечатлѣніемъ случая, изложеннаго въ разсказѣ «Домашнія новости». Тогда я обратился къ нѣсколькимъ друзьямъ моимъ, разсѣяннымъ въ безпредѣльности русской провинціи, съ просьбою, — если имъ извѣстенъ или станетъ извѣстенъ однородный фактъ демократической любви — брачной или внѣбрачной, — не отказать мнѣ сообщить о немъ, сколько возможно, подробно. Въ результатѣ, я въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался обладателемъ 49 сюжетовъ, основанныхъ на «человѣческихъ документахъ». Изъ нихъ я использовалъ около трети. Сюжетъ «Мечты», — посвященной мною Льву Николаевичу Толстому, потому что онъ былъ заинтересованъ разсказомъ, узнавъ въ героинѣ дѣвушку, ему знакомую, — сообщенъ мнѣ извѣстнымъ народовольцемъ, болгаринномъ Гавріиломъ Беламезовымъ, «правою рукою казненнаго Лизогуба», какъ аттестовали его «Московскія Вѣдомости», полемизируя со мною по балканскимъ вопросамъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, по словамъ Льва Николаевича Толстого, Беламезовъ слишкомъ идеализировалъ «Мечту», и, въ дѣйствительности, ея двигали мотивы, хотя и не дурные, но гораздо менѣе «не отъ міра сего», чѣмъ изображено въ моемъ разсказѣ. Думаю, что, по истеченіи почти четверти вѣка, не будетъ нескромностью указать, что разсказъ «Нелли Раинцева», у меня имѣющій мѣстомъ дѣйствія Петербургъ и написанный съ петербургскою бытовою обстановкою, построенъ на, фактической основѣ многошумнаго, — гораздо грубѣйшаго, чѣмъ рискнули изобразить мои смягченныя краски, — скандала не въ петербургскомъ, но въ московскомъ большомъ свѣтѣ второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Этому разсказу, впервые появившемуся въ покойной «Недѣлѣ» Гайдебурова, почему-то очень повезло за границую. Съ легкой руки «*Berliner Tageblatt*» и «*Temps*», «Нелли Раинцева» переведена едва ли не на всѣ европейскіе языки. *Habent sua fata libelli!*

Sestri Levante 4 | VII 1907.

ПОБЕГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ

ПОБѢГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ

1.

Храповицкій мѣщанинъ Тимоѳей Курлянковъ стоялъ на колѣняхъ въ глубинѣ «котла», вывѣтреннаго въ пластовой скалѣ надъ Енисеемъ, и чинилъ рыболовную сѣть. Онъ былъ очень не въ духѣ. Сегодня утромъ не ждано, не гадало пожаловала къ нему изъ города на одинокую заимку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гулящая. Тимоѳей, человѣкъ степенный и работающій, ея терпѣть не могъ. Жили они давнымъ-давно врозь: Ульяна — въ городѣ по мѣстамъ у «навозныхъ»; Тимоѳей — приказчикомъ-сторожемъ на глухой заимкѣ, брошенной настоящимъ хозяиномъ, красноярскимъ купцомъ, чуть не въ полную собственность Тимоѳея. Купецъ, великій фантазеръ и запивоха, весьма уважалъ Тимоѳея за честность и еще больше за то, что, «однако, курносый, какъ Сократъ». Прежде, чѣмъ спиться, купецъ успѣлъ поучиться въ красноярской гимназій, а можетъ-быть, именно тамъ-то и спился, какъ весьма многіе сибирскіе юноши. Визиты Ульяны къ мужу на заимку всегда означали одно и то же: что бабу бросилъ очередной любовникъ, а она съ досады и горя запьянствовала, потеряла мѣсто, безобразничала недѣли двѣ по улицамъ и валялась хмельная у всѣхъ кабаковъ славнаго города Храповицка, пока, наконецъ, пропившись до тла, не вспомнила о существованіи гдѣ-то въ глуши, за сорокъ пять верстъ, своего законнаго супруга. Сегодня Ульяна пришла въ довольно приличномъ видѣ, то-есть имѣла на себѣ юбку и башмаки. Два года назадъ, въ послѣднее свиданіе супруговъ, она явилась очамъ изумленнаго Тимоѳея почти Евою: всю одежду замѣнялъ ей рогожный кулъ, который она носила, какъ попъ ризу. А на дворѣ потрескивали уже сентябрьскіе морозы. Другая бы замерзла, либо простудилась насмерть. Но этой желѣзной, да къ тому же насквозь проспиртованной, бабищѣ все было сполгоря: хоть бы лишній разъ чихнула! При встрѣчѣ мужъ и жена, послѣ краткихъ и не весьма ласковыхъ привѣтствій, быстро переходили къ пререканіямъ, отъ пререканій — къ дракѣ. Побѣждалъ въ продолжительномъ бою, въ концѣ — концовъ, разумѣется, Тимоѳей, — все-таки мужчина — но не безъ труда и урона, потому что Ульяна была не по-женски сильна и въ дракѣ звѣрѣла, такъ что надо было ее связывать. Вся обычная послѣдовательность супружескаго свиданія повторилась и сегодня утромъ, о чемъ выразительно свидѣтельствовали царапины на лицѣ Тимоѳея и подбитый глазъ. Тимоѳей продержалъ жену связанною больше трехъ часовъ, покуда она утомилась ругаться, заснула, выспалась и, проснувшись, взмолилась о помилованіи. Тимоѳей явилъ великодушіе и развязалъ Ульяну, за что въ благодарность та немедленно плюнула ему въ глаза. Драка имѣла всѣ данныя возобновиться, но Тимоѳей, какъ опытный стратегъ, сообразилъ, что, покуда связанная Ульяна спала и отдыхала, онъ три часа работалъ во дворѣ, не покладая рукъ, и, слѣдовательно, со свѣжими силами врага ему, утомленному, не сладить. И, осторожный, какъ Куропаткинъ, онъ благородно ретировался къ сѣтямъ своимъ на Енисей, оставивъ за торжествующею Ульяною поле сраженія и фортецію заимки. Ульяна воспользовалась своею побѣдою прежде всего за тѣмъ, чтобы разыскать имѣвшуюся въ хатѣ бутылку спирта, которую и осушила по-сибирски — чайною чашкою. Алкоголь умягчилъ ея бранное сердце и расположилъ мириться съ мужемъ. Къ тому же на заимкѣ ни души не было, и пьяной бабѣ стало скучно. Однимъ словомъ, каковы бы ни были намѣренія Ульяны, мирныя или воинственныя, но Тимоѳей, около обѣденнаго часа, увидалъ изъ своего котла, что жена взбирается къ нему въ убѣжище крутою тропинкою по обрыву надъ Енисеемъ. Ульяна едва держалась на ногахъ, качалась, шаталась, падала на четвереньки, ползла. Тимоѳей пришелъ въ ужасъ: онъ зналъ, что тропа узкая, невѣрная, осыпчатая, по ней и трезвому-то пройти не шутка. И не успѣлъ онъ крикнуть Ульянѣ, чтобы та остереглась, какъ несчастная баба и въ самомъ дѣлѣ оступилась и полетѣла, пе-